

ЧЕЛОВЕК С СОТНЯМИ СЕРДЕЦ



Еврей

...Когда появляется Тихон Молоков («На золотом дне»), на сцене становится тесно. Такой он по-медвежий громадный, неуклюжий, как каменная глыба. Одутловатое, крупное лицо, вздерошенные, озорные брови. Косые, полупьяные глаза. И голос — сильный, пропойный, низкий.

Он весь как бы ассоциирует жажду дикого пьяного счастья. Тихон Молоков — продукт страшной среды, где процветает ненависть и зависть, где человек готов по-волчьему вгрызться в горло другому человеку. И он, мрачный, темный философ этого мрачного и темного царства, провозглашает с горькой иронией:

— Исаак разори Иакова...

Разгульная, неумная сила в этом человеке. И — слабость. Какая неизбывная печаль звучит в его разудалой песне. Это — и грех, и стон, и боль народная. И обреченность, безысходность раба золотого тельца, пригвожденного к столбу позора самой историей.

Рисунок роли глубокий и умный, живописный и многогранный. Он комичен, сатирически заострен, и в то же время — психологически тонкий, философски емкий, трагичен.

Это — Гриценко.

...Светлый, как бы окруженный теплым, живительным сиянием, вступает на сцену Лев Николаевич Мышкин («Идиот»). Да, он действительно очень болен, тяжело и неизлечимо, этот хрупкий, стройный, словно насквозь просвечивающийся человек. Но болезнь его объяснена: она ответ слабого,

несовершенного и незащищенного человеческого тела на страшные уродства мира, в котором ему пришлось родиться. Не могут силы человеческого бытия противостоять этой грязи и скверне. Не может противостоять им душа человека, рожденная для счастья, жадно и радостно тянущаяся к природе, к детям, жаждущая нести людям правду... Изумительно светел и чист этот ранимый, грустный, страдающий человек, несмотря ни на что сохраняющий веру в добро, странную веру в человека.

Артист не смакует болезнь своего героя, упорно отказывается от налета патологизма. В этом плане образ претерпевает подлинную эволюцию — от представления к представлению, из года в год. Вместо линии наименьшего сопротивления, которую избирают многие исполнители, — линия глубочайшего и сложнейшего поиска в недрах души. Все строже, все чище палитра художника, все точнее социально-психологический смысл работы артиста. Глубочайшая трагедийность образа его Мышкина достигается самыми светлыми, самыми чистыми красками. И в то же время — ни капли слащавости, ни грама мелодрамы.

Тихий, задумчивый, задушевный голос. И взгляд — открытый, доверчивый, светлый, страстно расположенный к людям. И даже в моменты наибольшего страдания — он остается светлым и простодушным, целомудренным и доверчивым, этот большой прекрасный ребенок. Он несет в себе тему великого гуманизма, тему неукротимой любви к человеку. И боли за него — униженного и оскорбленного.

Это — тоже Гриценко.

...В буйном вихре праздничного веселья, в половецкие красок предстает перед нами ска-

зочный канцлер Тарталья («Принцесса Турандот») — достойный представитель театра комедии дель арте — комедии масок. Резко намалеван тонкий с лукавиной рот. Простодушные круглые глаза. Находчивость и изобретательность. Смешная, уморительно смешная поза: в полнаклона. Старательные, грациозно-нарочные движения. Пластичность и угловатость. Высочайшая артистичность и легкая условность. Чувство народного, сочного юмора, мастерство импровизации. Неисчерпаемый запас выдумки, мягкой иронии, остроумия.

И это — опять-таки Гриценко.

...Сколько великих артистов играли Федора Протасова («Живой труп»)! И вот еще один, похожий и — новый. Задумчивый, наблюдающий жизнь мудро и грустно. С глубокой, человеческой печалью в глазах. О, насколько этот человек выше, нравственно чище, духовно богаче, чем все манекены, окружающие его! Какая нравственная чистота и сила протеста — да, да, именно сила протеста — в замутненной, сбереженной даже в самых глубоких падениях нравственной чистоте этого Федора Протасова. Какой он простой, ясный, даже тогда, когда оказывается на самом дне. Этот человек совершает нравственный подвиг. Выстрелив в себя, он бросает вызов лжи и гнили, он спасает любимых, но безвинно пострадавших Лизу и Каренина, он доказывает, насколько он выше их. Только он способен поврать эту липкую паутину лжи! Заросший, оборванный, дрожащий от запоя, этот бродяга, нищий, загнанный в самый темный угол, — насколько же он красивее всех этих нарядных, сытых, гладких и благополучных преуспевающих господ!

Сила протеста... Своим страданием, своим самоубийством он выносит приговор. Он — жертва, не обвиняемый. Он — обвинитель. И в этом, пожалуй, главный философский и эстетический акцент образа, всего спектакля. Страстная нота протеста против грязной и фальшивой тогдашней действитель-

ности... Жизнеутверждающий гимн человеческому достоинству, нравственной красоте и силе человека.

И это — опять-таки Гриценко.

Он и Степан Казанец, этакий брызжащий здоровьем «первый парень на колхозном селе» («Стряпуха замужем»), в котором так мило переплетается комизм с лиричностью, который так пластичен и изобретателен и в интонации и в танце. Это — тоже Гриценко! В каждой роли он поражает нас новой, совершенно неожиданной гранью своего таланта. Гриценко — всегда новый. Дважды повторенных открытий тут не бывает. И дело тут не только и не столько во внешней неузнаваемости, в какой-то необъяснимой способности чуть ли не менять цвет глаз, создавать впечатление то громоздкого, крупного, высокого человека, то — хрупкого, стройного, гибкого, субтильного, менять не только, оттенки, но и сам тембр голоса, словом, находить бесчисленное множество вариантов внешней сценической формы и в совершенстве владеть ею. Дело в умении артиста целиком, без остатка отдаваться образу, вращать в него, органично и полно, растворяться в нем целиком, переставая как бы существовать вне его. Это и есть великое искусство актерского перевоплощения, за которое так горячо ратовал Константин Сергеевич Станиславский.

Николай Гриценко — артист яркого, богатого дарования, помноженного на огромнейшую трудоспособность, на высокую требовательность взыскательно к себе художника.

Когда-то, давным-давно, он инсценировал чеховского «Жильца» и создал один из немеркнущих своих шедевров. Его товарищи по театру рассказывают, что тогда для воплощения этой чудесной миниатюры он научился играть на скрипке. «Жилец» с неизменным успехом идет в концертном исполнении вот уже более четверти века. И в каждом концерте артист находит для обогащения образа своего героя все новые и новые штрихи, все новые и новые детали. Однажды ему показалось, что процесс обогащения роли при-

остановился или слишком замедлился. Тогда Николай Олимпиевич настойчиво потребовал снятия «Жильца» с репертуара. И лишь потом, когда в непрерывном труде были найдены новые выразительные средства, возобновил он свою замечательную трагикомическую миниатюру.

Гриценко не терпит застоя, он все время в поиске, всегда в развитии.

Изумительный интерпретатор, актер огромных пластических возможностей, он одинаково требователен к себе и в ведущих ролях, и в эпизодах.

Давно известна истина: актер познается в паузах. Гриценко владеет искусством паузы в совершенстве. Он может молчать сколько угодно. И какая глубина, неповторимая новизна мыслей, какая многокрасочность чувств проходит перед зрителем в минуты его молчания!

Ясность и осознанность своей собственной точки зрения, своей собственной художнической позиции, поэтическая страстность в восприятии жизни и огромная, прямо-таки научная наблюдательность усилены в этом интереснейшем даровании неиссякаемой интуицией. Яркая эмоциональность, сосредоточенность в раскрытии внутреннего мира героя, простота и четкость, строжайший отбор выразительных средств, высочайшая актерская техника — вот черты его мастерства.

Народный артист СССР Николай Олимпиевич Гриценко с самого начала своего творческого пути без малейшего тридцать лет связан с театром имени Евг. Вахтангова. И это большое счастье — для актера, для театра, для зрителей. Актерская индивидуальность Николая Гриценко удивительно близка традициям вахтанговцев, с их острой театральностью формы, с их высоким артистизмом, с их четкостью социально-психологического подтекста, с их исключительным чувством современности. В этой обстановке пышно и щедро расцвел удивительный талант артиста. Здесь стал он носителем, знаменосцем вахтанговских традиций, одним из тех, кто определяет не только сегодняшний, но и завтрашний день своего театра.

Ольга МАКАРОВА